

25 июля исполнилось 12 лет со дня смерти В. Высоцкого

25 июля 1980 года охотники наконец загнали волка. И всадили ему меж глаз пулю. Прямо в середине широкого упрямого лба.

25 июля 1980 года Гамлет закончил свой жизненный путь, перешагнув черту, за которой тишина.

фильмы о нем по телевидению. Толпы народа у его могилы. И море цветов — «бесполезных цветов в бесполезных руках». И, может быть, выступают большие поэты. И расскажут, как пытались помочь своему меньшому брату. Но им не дали. Система помешала. И, не

прямого лба. Стрелять здесь умеют. Здесь, где у поэтов проторенный путь: из-за письменного стола — на плаху или эшафот. И где поэты могут быть уверены в одном — что на всех хватит крестов. И новых, длинных, острых гвоздей. Если бы изобретали единую уни-

твой упрямый лоб, и знаешь, что ты обречен, что промаха не будет.

Они не умирают своей смертью. Мы их убиваем. Равнодушием, злобой, цинизмом, расчеловичив жестокостью. А ведь у них такие нежные души, в которые мы плюем. А они уходят от нас. Навсегда.

«НЕ ПЛАЧЬТЕ, КОГДА...»

«Да и много ли я требовал благ, мне чтоб были друзья, да жена чтобы пала на гроб...». Как хотел, так и вышло. 25 июля 1980 года на его гроб пала его Женщина. А вокруг, насколько хватало глаз, стояли его друзья.

Когда уходят самые дорогие для нас люди, они забирают с собой кусочки нашей души. И чем сильнее мы их любим, тем больше эти куски.

Из жизни ушел поэт, актер, алкоголик, скандалист, преданный друг, любимый мужчина. Ушел, оставив без ответа извечный вопрос: «Почему? Так рано, так некстати, так внезапно!».

25 июля 1992 года будет все как обычно. Его песни по радио,

дай Бог, затеют спор: далеко ли Володе до Пушкина или не очень. Все будет как обычно. И в тысячный раз мы услышим, что ведь мог бы еще спеть, сыграть, но не судьба.

Не судьба была ему, не солгавшему ни единою буквою, ни единой нотой, выжить. «Мне рок клеймо на лбу с рожденья выжиг», — сказал Гамлет Высоцкого. Это удобное клеймо отметило и его. Очень удобное клеймо. Сразу видно, кто где. И целиться удобно. «В диких райских садах просто прорва мороженых яблок, но сады сторожат и стреляют без промаха в лоб». В рай попадают немногие. А чтобы пользоваться райскими благами... девять граммов в середину уп-

форму для поэтов, то лучше всего подошла бы длинная черная хламида. Очень удобно. На черном не видно крови. Распяли поэта, сняли с креста — и никаких следов. А раз нет следов — значит, самоубийство.

Они как волки на большой охоте. Только волки иной раз уходят от стрелков. А поэты не могут. Не могут свернуть со своего пути, по которому идут «и режут в кровь свои босые души». И погибают — чтобы остаться самими собой, отстаивая свой нелепый кодекс чести.

Они не меньше нашего хотят жить, любить и дышать. Просто они знают то, что неведомо нам, что позволяет им предпочесть крест и петлю тихой жизни в теплой квартире в обществе жены и блохастого терьера.

«Поэты идут до конца, и не смеют кричать им, не надо», — пел Александр Башлачев. Не надо. Они все знают. Знают, да еще как.

«Удалось, Бог ты мой, я не сам, вы мне пулю в живот». Он все знал. Для его Гамлета извечный вопрос был риторическим. Но он не мог свернуть. Не мог замедлить гибельный бег коней по краю пропасти. Иначе он не был бы Высоцким. Он поднимался все выше и выше, все ускорял и без того безумный темп гонки со смертью. Спивался и кололся. Легко жить по правилам — если ты не опальный поэт, лишенный признания, если ты не можешь остановиться ни на секунду. Если еще не все успел, если каждая минута может стать последней. А в перекрестье прицела

Он ушел от нас в 42 года. Он не опоздал — «Мы успели, в гости к Богу не бывает опозданий». Он успел написать сотни стихов, сыграть роли, которые являются мечтой любого актера. Успел полюбить, успел быть любимым. Успел все. Наверное, он просто устал. «Слишком много он взвалил на плечи, нашего, и треснула спина». Он знал о том, что его ждет. Он гнал коней, торопя и без того скорую встречу со смертью. Мы никогда этого не поймем. Мы, для которых нет ничего дороже собственного покоя. Нам очень легко оправдаться перед самими собой. И простить себя. Нам, которые привыкли дышать вполсилы, обвинять своих женщин с оглядкой. Мы никогда не поймем Джордано Бруно, для которого несколько слов были важнее жизни, для которого честь значила больше, чем жаркое пламя костра. Нам никогда не понять мира, где нельзя свернуть ни единого раза, где нельзя сфальшивить и солгать, где бесчестно предпочитают смерть. Где никто не ест с чужих рук. А мы живем в мире бездумного экрана и плюшевых мишек, в мире детективных романов и лицемерного супружества, в мире доносов и лжи. А они от нас уходят. Как ушел Высоцкий.

25 июля 1992 года было все как обычно. Только пронзила сердце запоздалая боль. Но не плачьте! «Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада пойдут по воде над прекрасной шальной головой». Он ведь просил нас об этом.

«В тот день, когда отпустите меня,

Не плачьте вслед во имя милосердия».

Леонид ИВАНОВ.
Фото Р. ФЕДОРОВА.